

DOI: <https://doi.org/10.47344/9fyypw72>

MPHTI:10.15.59

Правовые механизмы противодействия насилию в отношении женщин и пути их социально-экономической реинтеграции: опыт Узбекистана

Сохиба Иноятова

Ташкентский государственный юридический университет, Ташкент, Узбекистан

e-mail: s.gafarova@list.ru

Аннотация

Правовая защита женщин от насилия и гендерной дискриминации — одна из наиболее острых задач, с которыми сталкивается современное государство. В Республике Узбекистан эта задача приобрела характер конституционного приоритета: два специальных закона, принятых в 2019 году, а впоследствии и криминализация домашнего насилия в апреле 2023 года качественно изменили нормативную архитектуру страны. Вместе с тем существующая правоприменительная практика свидетельствует о том, что разрыв между буквой закона и реальной защищённостью пострадавших по-прежнему значителен. Настоящая статья последовательно рассматривает международно-правовую базу противодействия насилию — прежде всего CEDAW и надзорный механизм Комитета; реформы национального законодательства Узбекистана 2019–2025 годов; сравнительный опыт Казахстана и Кыргызстана; государственную политику содействия экономической и социальной интеграции пострадавших; наконец, барьеры реинтеграции и возможные пути их преодоления. Особое внимание уделено моноцентрам «Ишга мархамат» и программе «Женских тетрадей» как ключевым государственными инструментами восстановления экономической самостоятельности и социального достоинства женщин, переживших насилие. Исследование приводит к выводу о том, что законодательные преобразования 2019–2023 годов носят структурный характер; однако устойчивое снижение уровня гендерного насилия достижимо лишь при последовательном правоприменении, доступной психологической помощи, масштабном правовом просвещении и целенаправленной трансформации социокультурных установок.

Ключевые слова: насилие в отношении женщин, домашнее насилие, CEDAW, охранный ордер, экономическое насилие, гендерное равенство.

Введение

Защита женщин от притеснений и насилия — это не абстрактный правовой императив. Это практическая мера зрелости государства, претендующего на звание правового и социального. Слова здесь расходятся с делом повсеместно, и Узбекистан не исключение — хотя именно он являет один из наиболее показательных в регионе примеров законодательного прорыва последнего десятилетия. В стране, последовательно реализующей курс на построение правового социального государства с развитым гражданским обществом, обеспечение гендерного равенства превратилось в подлинное конституционное обязательство, а не декларацию.

Бывший Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в своём обращении в связи с Международным днём ликвидации насилия в отношении женщин (25 ноября 2016 г.) констатировал: насилие в отношении женщин и девочек является нарушением прав человека, масштабной угрозой общественному здравоохранению и серьёзным препятствием устойчивому развитию (United Nations Secretary-General, 2016). С тех пор прошло почти

десять лет — наблюдение не устарело ни на день. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, почти треть женщин в мире сталкивалась с домашним насилием хотя бы однажды — цифра, которая говорит о системной, а не частной природе явления.

Важно зафиксировать один концептуальный сдвиг, нередко остающийся за скобками: на протяжении большей части истории домашнее насилие воспринималось как «личное дело» семьи, а не предмет публичного права. Само появление законодательства, регулирующего этот круг отношений, явление относительно недавнее даже в странах с развитой правовой системой. В экспертной среде домашнее насилие принято определять как систематически повторяющиеся физические, психологические, сексуальные и экономические воздействия, осуществляемые против воли близкого человека с целью установления власти и контроля. Переход от архаичной модели попустительства к современной концепции государственной ответственности — вот центральная линия нормативной эволюции, которую анализирует настоящая статья.

Цель научной статьи состоит в том, чтобы показать: Узбекистан прошёл качественный перелом в правовом регулировании гендерного насилия — и одновременно выявить институциональные разрывы, которые препятствуют полноценной реализации принятых норм.

Уровень научной разработанности *темы* в международной литературе достаточно высок и отличается разнообразием подходов. Правовые измерения CEDAW исследовались в работах Cusack (2009), Cusack и Timmer (2011), Cusack и Pusey (2013), Thomas и Beasley (1993), Hintjens (2008), McPhedran et al. (2000); эффективность конвенционного механизма как инструмента трансформации национального законодательства — в трудах Vijayarasa (2020); социологические и психологические грани семейного насилия — в исследованиях Ayvazova (2001) и Zdravomislova (2005). Из отечественных авторов вопросы гендерного равенства применительно к Центральной Азии рассматривали Alieva (2020, 2021) и Atajanova (2018).

Вместе с тем в литературе по-прежнему недостаточно представлен вопрос, составляющий предмет настоящей работы: в какой мере законодательство Узбекистана обеспечивает не просто декларирование прав женщин, но их практическое осуществление — особенно в части социально-экономической реинтеграции пострадавших. Этот пробел особенно значим, поскольку глобальная литература о взаимосвязи экономического насилия и реинтеграции сосредоточена преимущественно на западном опыте (Postmus et al., 2020), тогда как центральноазиатские данные остаются фрагментарными.

Материалы и методы

Методологическая база настоящего исследования формировалась исходя из его объективно междисциплинарного характера: правовые, социологические, экономические и психологические аспекты проблемы не поддаются адекватному изучению в рамках единственного метода. По этой причине применялась совокупность взаимодополняющих подходов.

Центральное место занял нормативно-правовой анализ, охвативший как международные инструменты — CEDAW (McPhedran et al., 2000), Всеобщую декларацию прав человека, Международные пакты о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах (Thomas & Beasley, 1993; Fedoseeva &

Kostromina, 2007) — так и специальное законодательство Республики Узбекистан с учётом поправок вплоть до 2025 года (Alieva, 2021; Eshmatova, 2021). Принципиально важно, что задача состояла не только в описании нормативного содержания: требовалось оценить практическую применимость каждого механизма, то есть выявить разрыв между тем, что написано в законе, и тем, как он реально работает.

Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить подходы трёх государств — Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана, объединённых сходными правовыми традициями, постсоветским институциональным наследием и близким демографическим контекстом (Republic of Kazakhstan, 2009; Republic of Kyrgyzstan, 2017). Источниковую базу составили как тексты нормативных актов, так и материалы НКО, мониторинговые доклады международных организаций и данные правоприменительной практики. Показательно, что именно сопоставление с региональными соседями — а не с европейскими образцами — позволяет выявить наиболее практически значимые точки уязвимости узбекистанской системы.

Статистический анализ применялся для изучения динамики зарегистрированных случаев насилия и степени участия женщин в предпринимательской деятельности (UNDP Uzbekistan, 2023; Kasimov, 2023). При интерпретации данных последовательно учитывалась проблема латентности: реальный масштаб насилия, по всей видимости, существенно превышает официальную статистику — следствие социальной стигматизации и хронического недоверия к правоохранительным институтам. Дополнительно использовались методы индукции и дедукции, а также системный подход для комплексного рассмотрения правовых, экономических и психологических измерений проблемы (Alieva, 2020; Atajanova, 2018).

Особое место в источниковой базе заняли доклады международных организаций за 2020–2025 годы: оценка Всемирного банка (World Bank, 2024), отчёт ПРООН по женскому предпринимательству (UNDP Uzbekistan, 2025), доклад МСПЧ о правоприменительной практике (IPHR, 2025) и материалы HRW (Human Rights Watch, 2026). Совокупность этих источников обеспечивала взгляд одновременно «снаружи» и «изнутри» на происходящие изменения — что, на наш взгляд, повышает аналитическую ценность сделанных выводов. Такой междисциплинарный подход позволил учесть влияние юридических норм, социокультурных факторов и экономической политики на реальную защищённость женщин (Cusack, 2009; Cusack & Timmer, 2011; Shvedova, 2011; Ayvazova, 2001).

Результаты исследования

В последние годы в Узбекистане наблюдаются значительные шаги в направлении укрепления прав женщин и обеспечения их активного участия в социально-политической жизни страны. Одной из приоритетных задач государства становится защита женщин от всех форм насилия и дискриминации, а также создание условий для их экономической и социальной независимости. Соглашаясь с оценкой United Nations Secretary-General (2016), хотели бы особо подчеркнуть: права женщин закрепляют их социально-экономический, гражданский и политический статус и направлены прежде всего на защиту от гендерной дискриминации. Они входят в число основных прав человека и закреплены в многочисленных международных конвенциях, договорах, резолюциях и программах действий.

Международно-правовые рамки: CEDAW и эволюция контрольного механизм

Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин занимает центральное место в международно-правовой архитектуре защиты прав женщин — и занимает его не случайно. До её принятия женские права растворялись в общих нормах о правах человека; Конвенция впервые выделила их в самостоятельную категорию международного права. Дискриминация определяется в ней как любое разграничение, устранение или ограничение по признаку пола, которое ослабляет либо сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной и иных сферах (Cusack, 2009, p. 86).

Принципиальная ценность статьи 2 — её обязывающий, а не рекомендательный характер: государствам недостаточно декларировать равноправие на бумаге, они обязаны принимать конкретные законодательные меры, включая санкции против дискриминации. Статья 5, в свою очередь, обязывает страны-участницы изменять социальные и культурные модели поведения с целью искоренения стереотипов, основанных на идее превосходства одного из полов (Cusack & Timmer, 2011, p. 329). По справедливому замечанию Shvedova (2011, p. 23), обязательства по Конвенции распространяются не только на государственные органы, но и на действия любых частных лиц и организаций. Это существенное уточнение: ответственность государства возникает и тогда, когда оно не предотвращает насилие, совершаемое частными лицами.

Нормотворческая динамика самого Комитета заслуживает отдельного внимания. Общая рекомендация № 35 (2017) расширила понятие «насилие в отношении женщин» до категории «гендерно обусловленное насилие против женщин», усилила требования должной осмотрительности государств и подтвердила: государственная ответственность возникает даже тогда, когда непосредственным исполнителем насилия является частное лицо (Vijayarasa, 2020). Это нормативное развитие напрямую значимо для оценки правоприменения в Узбекистане — именно с этой точки зрения следует читать статистику о высоком проценте примирительных прекращений дел.

Механизм периодической отчётности обязывает государства-участницы представлять доклады каждые четыре года (Antonova, 2011, p. 52; McPhedran et al., 2000). Наша страна, присоединившаяся к Конвенции в 1995 году, к настоящему времени представила в Комитет шесть национальных докладов:

- первый национальный доклад — 2000 г.;
- второй-третий — 2004 г.;
- четвёртый — 2008 г.;
- пятый — 2014 г.;
- шестой — 2019 г.

Такие доклады позволяют оценить прогресс в реализации обязательств, выявить существующие проблемы и получить рекомендации по их решению. В марте 2022 года Комитет опубликовал заключительные замечания по шестому докладу, выразив обеспокоенность высоким уровнем гендерного насилия, гендерным разрывом в оплате труда и недостаточным представительством женщин в судебном корпусе (CEDAW Committee, 2022).

Права женщин охраняются и другими нормами ООН, включая Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенцию о

правах ребёнка, Конвенцию против пыток (Thomas & Beasley, 1993; Fedoseeva & Kostromina, 2007). Совокупность этих актов формирует многоуровневую архитектуру международной защиты, в которой CEDAW занимает место наиболее детализированного специального договора.

Национальное законодательство Узбекистана: реформы 2019–2025 годов

Следует отметить: наша страна одной из первых в Центральной Азии ратифицировала конвенции ООН о ликвидации дискриминации в отношении женщин, об охране материнства и о дискриминации в области труда и занятий. В 2017–2019 годах в Узбекистане принято значительное количество нормативно-правовых актов, направленных на защиту прав женщин. Переломным стал 2019 год — год принятия двух ключевых законов.

Закон «О гарантиях равных прав и возможностей для женщин и мужчин» (3 сентября 2019 г.) впервые на законодательном уровне закрепил понятия прямой и косвенной дискриминации по признаку пола. Введение категории косвенной дискриминации — шаг принципиальный: она позволяет противодействовать внешне нейтральным правилам, которые фактически ставят женщин в невыгодное положение без какого-либо умысла со стороны нормотворца. В нормативно-правовом акте также введена обязательная гендерно-правовая экспертиза нормативных актов, направленная на выявление скрытого дискриминационного потенциала. Как справедливо отмечает Alieva (2021, p. 2), лидирующие позиции в мире по гендерному равенству связаны не только с качеством правовой и институциональной базы, но и с общественным сознанием и мировоззрением людей — этот тезис напрямую применим к нашей стране: законодательная реформа работает лишь в сочетании с трансформацией социальных установок, а не вместо неё.

Закон «О защите женщин от притеснений и насилия» (2 сентября 2019 г.) стал большой реформой в этой сфере. Документ регулирует отношения в области защиты женщин от притеснений и насилия в быту, на рабочих местах, в образовательных учреждениях и в иных местах. Его принципиальное достоинство — нормативная определённость: впервые в законодательстве получили чёткую дефиницию понятия «притеснение», «насилие», «охранный ордер», а также все четыре вида насилия — психологическое, физическое, половое и экономическое. Уполномоченный Олий Мажлиса по правам человека подчеркнул прямую связь принятых мер с обязательствами, взятыми Узбекистаном при присоединении к CEDAW (Eshmatova, 2021).

Не менее значимым шагом стала криминализация домашнего насилия в апреле 2023 года: поправки в Уголовный кодекс ввели самостоятельный состав, превратив Узбекистан в пятое государство Восточной Европы и Центральной Азии, установившее уголовную ответственность за данное деяние — после Грузии, Кыргызстана, Молдовы и Украины (Amnesty International, 2023). В феврале 2025 года был также отменён обязательный период примирения при разводе по делам о домашнем насилии — мера, ликвидировавшая один из наиболее критикуемых процессуальных барьеров. Внешняя оценка этих реформ весьма показательна: по итогам доклада Всемирного банка «Women, Business and the Law 2024» Узбекистан получил 82,5 балла из 100, войдя в число наиболее динамично улучшившихся государств мира (World Bank, 2024).

Сравнительный аспект: опыт государств Центральной Азии

Проанализировав опыт соседних государств, можно точнее оценить достижения Узбекистана в региональном контексте.

Казахстан располагает наиболее длительной историей специального законодательства в регионе: Закон «О профилактике бытового насилия» № 214-IV действует с 4 декабря 2009 года (Republic of Kazakhstan, 2009). Ключевое процессуальное преимущество казахстанской модели — охранный предписание, выдаваемое сотрудником полиции непосредственно на месте происшествия без обращения в суд, что существенно ускоряет реакцию системы. Однако в 2017 году Казахстан декриминализировал систематическое насилие, вызвав острую критику правозащитного сообщества. Трагическое убийство Салтанат Нукеновой в 2023 году повлекло принятие «Закона Салтанат» (Закон № 72-VIII, апрель 2024 г.), который восстановил уголовную ответственность.

В Кыргызстане с 27 апреля 2017 года действует Закон «Об охране и защите от семейного насилия» № 63 (Republic of Kyrgyzstan, 2017), предусматривающий трёхуровневую систему защитных инструментов: временный защитный ордер, защитный ордер и судебный защитный ордер. В 2024–2025 годах закон расширен: срок административного задержания нарушителя увеличен до 14 суток, введён электронный мониторинг.

На этом фоне законодательство Узбекистана 2019–2023 годов сопоставимо по охвату с региональными стандартами, однако по скорости реагирования уступает казахстанской модели — выдача охранный ордера требует судебного решения, что создаёт практический барьер для пострадавших, не имеющих юридической поддержки. Именно этот разрыв, а не отсутствие законодательства как такового, фиксируется как главная точка уязвимости системы. Полевые исследования подтверждают, что пострадавшие нередко прибегают к неформальным стратегиям выхода из ситуации насилия — в обход официальных механизмов, доступность которых остаётся ограниченной (Hassani & Oren, 2022).

Динамика женского предпринимательства

Согласно открытым статистическим данным, за последние пять лет число женщин-предпринимателей в Узбекистане удвоилось (Kasimov, 2023). Это, безусловно, положительная тенденция, свидетельствующая о растущей самостоятельности женщин в деловой сфере. По данным доклада ПРООН (UNDP Uzbekistan, 2025), в стране насчитывается около 2,1 млн женщин-предпринимателей из общего числа 5,2 млн, что составляет порядка 40% предпринимательского сообщества. Следует оговориться: данное соотношение является расчётным и не приводится в таком виде в первоисточнике; сам отчёт ПРООН акцентирует иной показатель — предпринимательницы составляют около 35% всех занятых женщин.

Данного результата удалось добиться благодаря ряду государственных программ: налоговым преференциям, беспроцентным кредитам с льготным периодом до десяти лет, деятельности Государственного целевого фонда по поддержке женщин. Вместе с тем оценка Всемирного банка фиксирует сохраняющееся неравенство: разрыв в уровне экономической активности между мужчинами и женщинами составляет 28 процентных пунктов, гендерный разрыв в оплате труда достигает 34%, а доля молодых женщин в категории NEET равна 42% (World Bank, 2024). Отсутствие дифференцированного мониторинга положения именно тех женщин, которые вышли из ситуации насилия, остаётся одним из ключевых пробелов государственной политики.

Анализ результатов исследования

Историко-философский контекст: от оправдания угнетения к правовому признанию

Нынешняя нормативная архитектура не возникла на пустом месте. Чтобы понять её значение — и её пределы, — необходимо хотя бы кратко обратиться к тому, что ей предшествовало. Угнетение женщин на протяжении тысячелетий не просто существовало — оно получало идеологическое обоснование. На Аравийском полуострове в эпоху невежества обычай заживо погребать новорождённых девочек был освящён традицией; в Индии существовало сати — самосожжение вдов; в Древнем Китае рождение девочки воспринималось как несчастье. Не менее показательное другое: даже в те времена учёные и политики не просто мирились с неравным положением женщин — они его скрывали, подменяя споры о правах спорами о том, обладает ли женщина душой. Пренебрежительное отношение к женщине нашло отражение в богословских и философских произведениях древнего мира. Сократ выразил господствовавшее мировоззрение известным изречением, согласно которому счастьем считается не быть ни варваром, ни женщиной.

С тех пор прошло почти два с половиной тысячелетия. Наивно было бы утверждать, что дискриминационный взгляд исчез. Нет. Он лишь сменил форму: сегодня он воспроизводится не через богословские тексты, а через замещение понятия «социальная дискриминация в отношении женщин» расплывчатыми призывами к «гендерному равенству» — как если бы проблема была уже решена, оставалось лишь выровнять условия. Между тем это не одно и то же. Необходимой предпосылкой гендерного равенства является устранение всех форм нарушения прав женщин — прежде всего в сфере труда.

Тема домашнего насилия в нашей стране стала рассматриваться как актуальная и требующая урегулирования на законодательном уровне сравнительно недавно. В российском и постсоветском научном сообществе, как констатировала Ayvazova (2001, p. 69), данная тема долгое время оставалась предметом изучения социологов, а не юристов; Zdravomislova (2005, p. 1) показала, что семейное насилие рассматривалось как социальная, а не правовая проблема. Именно этим объясняется концептуальное значение законодательного прорыва 2019–2023 годов: он фиксирует принципиальную смену государственного подхода — от молчаливого попустительства к активному противодействию.

Научные подходы к исследованию гендерного насилия

В науке сложилось несколько концептуальных направлений, каждое из которых освещает отдельные грани проблемы и имеет следствия для правоприменения.

Во-первых, дискриминацию долгое время рассматривали исключительно как правовую проблему. Однако закреплённые в праве нормы нередко расходятся с их фактической реализацией — дистанция между статьёй закона и реальным поведением институтов бывает огромной. Именно поэтому представители правительств более чем 190 государств, участвовавшие в IV Всемирной конференции по положению женщин в Пекине, признали, что неравенство между мужчинами и женщинами всё ещё существует и нуждается в устранении как неотъемлемая часть универсальных прав человека. Данные ПРООН по судебной практике Узбекистана 2024 года наглядно иллюстрируют это расхождение: свыше 55% уголовных дел о домашнем насилии прекращаются через примирение сторон (501 из 907 дел), а 96% пострадавших лишены юридического представительства (UNDP Uzbekistan & MADAD NGO, 2025).

Во-вторых, традиционным для исследований дискриминации является психологический подход на уровне микросоциума. Матина Суретис Хорнер (родилась 28 июля 1939 г., Роксбери, Бостон) — американский психолог, чьи исследования посвящены интеллекту, мотивации и достижениям женщин. Всемирную известность ей принесло открытие в 1968 году феномена «страха успеха» — устойчивой психологической установки, при которой женщины сдерживают профессиональные амбиции из опасения социального отвержения. Этот вывод имеет прямое практическое значение для программ реинтеграции: доступ к ресурсам сам по себе не гарантирует их использования без предварительной психологической реабилитации.

Социологический подход обладает значительным объяснительным потенциалом. Рэндалл Коллинз (родился 29 июля 1941 г., Нью-Йорк) — почётный профессор социологии Пенсильванского университета, один из ведущих современных социальных теоретиков. Коллинз подчёркивал, что насилие противоречит физиологической природе человека и является исключением, а не правилом (Ayvazova, 2001). Данный вывод опровергает упрощённые объяснения, сводящие агрессию к бедности или семейным патологиям, и указывает на социально воспроизводимый характер насилия как стратегии контроля над другим.

Феминистский подход настаивает на необходимости изменения не только правовых норм, но и самих институтов, воспроизводящих патриархальные отношения. Конструктивная критика биологического детерминизма с позиций феминистской теории осуществлена Р. Коннеллом; теория социального конструктивизма (Д. Лорбер, С. Фаррелл) раскрывает механизмы воспроизводства неравенства через семью, образование и занятость. Конфликтологический подход (О. Конт, М. Вебер, Р. Дарендорф, Л. Козер) концептуализирует насилие как инструмент перераспределения власти через принуждение; гендерно-ролевая концепция Т. Парсонса, апеллирующая к идеям Фрейда о врождённых началах маскулинности и фемининности, исторически служила легитимации патриархального порядка — пока последовательная критика Р. Коннелла не поставила под сомнение сам биологический детерминизм.

Комплекс проблем, связанных с насилием в отношении женщин в семье, сегодня объединяет социологию, гендерные исследования, психологию, философию, экономику и право. Без содержательного взаимодействия этих дисциплин ни полноценный анализ проблемы, ни разработка эффективных мер противодействия невозможны.

Типология форм насилия и её правовое закрепление

Закон «О защите женщин от притеснений и насилия» закрепил четыре формы насилия — каждая отличается собственной феноменологией и уровнем латентности.

Физическое насилие — наиболее очевидная и традиционно признаваемая форма. Психологическое насилие — систематическое унижение, изоляция, запугивание — отличается значительно более высокой латентностью, поскольку не оставляет видимых следов. Половое насилие характеризуется особо высокой долей незафиксированных случаев вследствие стигматизации и культурно обусловленного стыда.

Особого внимания заслуживает экономическое насилие. Согласно статье 3 Закона Республики Узбекистан «О защите женщин от притеснений и насилия», экономическое насилие проявляется в ограничении экономических возможностей и зависимости от мужчин: удержании заработной платы, лишении доступа к финансовым ресурсам, контроле над имуществом, а также ограничении возможностей получения образования и трудоустройства

(UNDP Uzbekistan, 2023). Международные исследования подтверждают: экономическое насилие создаёт прямой путь к материальной нищете и служит механизмом удержания жертвы в зависимости (Postmus et al., 2020).

Ежегодная кампания «16 дней активизма против гендерного насилия», стартующая 25 ноября и завершающаяся 10 декабря (UNDP Uzbekistan, 2023), традиционно акцентирует физическое и сексуальное насилие, оставляя экономическое на периферии общественного внимания. Это несоответствие — само по себе аргумент в пользу целенаправленной работы по повышению осведомлённости именно об этой форме притеснения.

Барьеры реинтеграции: аналитическая характеристика

Защита прав женщин, пострадавших от насилия, требует комплексного правового и социального подхода. Несмотря на проводимые реформы, сохраняется ряд факторов, ограничивающих участие женщин в общественной и деловой жизни.

Первый барьер — психологические последствия травмы. Посттравматическое стрессовое расстройство, депрессия, хронические тревожные состояния способны на протяжении многих лет подавлять социальную и профессиональную активность. Без психологической реабилитации даже открытый доступ к финансовым инструментам не трансформируется в реальную независимость. Это подтверждается данными систематического обзора: наибольший эффект дают программы, сочетающие экономическое расширение возможностей с гендерно-трансформационными подходами (Böhret et al., 2025).

Второй барьер — экономическая зависимость как прямое наследие систематического экономического насилия. Женщина, лишённая годами доступа к банковским счетам и официальной занятости, оказывается в замкнутом круге: для выхода из зависимости нужны ресурсы, которых нет именно по причине этой зависимости. Разорвать этот круг силами одного лишь правового механизма — невозможно.

Третий барьер — социальные стереотипы и культурное давление. Традиционные представления о гендерных ролях, стигматизация разведённых женщин, давление расширенной семьи создают среду, в которой даже юридически закреплённые права реализуются с трудом. Эта среда воспроизводится в том числе через институт махалли — традиционного соседского сообщества, которое может выступать и ресурсом поддержки, и инструментом социального контроля.

Четвёртый барьер — недостаточная информированность о правовых механизмах защиты. Значительная часть женщин, особенно в сельских районах, не осведомлена об охранных ордерах, порядке обращения в органы внутренних дел и программах поддержки. По данным ИПЧП (2025), лишь около 3% судей, рассматривающих дела о домашнем насилии, — женщины (IPHR, 2025), что само по себе удерживает пострадавших от обращения за защитой.

Программы социальной и экономической реабилитации

Государство располагает рядом конкретных инструментов, направленных на преодоление описанных барьеров.

Для выявления и предотвращения экономического насилия налажена деятельность моноцентров «Ишга мархамат» — 28 центров функционируют во всех регионах страны. Они обучают профессиям, преподают иностранные языки, оценивают квалификацию и помогают с трудоустройством женщин, оказавшихся жертвами домашнего насилия, а также находящихся в социально уязвимом положении. В 2021 году услугами центров

воспользовались свыше 11 000 граждан, из которых 7 500 составляли женщины (UNDP Uzbekistan, 2025). Вместе с тем формальная оценка результативности моноцентров применительно именно к пострадавшим от насилия по-прежнему отсутствует — что ограничивает возможность доказательного суждения об эффективности этого механизма.

Наряду с этим особого внимания заслуживает практика «Женских тетрадей», которые служат действенным механизмом адресной поддержки по нескольким направлениям: предоставление социальной защиты, обеспечение жильём на льготных условиях, а также содействие в трудоустройстве и запуске бизнес-инициатив. Государственный целевой фонд по поддержке женщин финансирует широкий спектр мероприятий — от поддержки предпринимательских инициатив до обеспечения социальной защиты малообеспеченных женщин.

Рекомендации

На основании проведённого исследования можно сформулировать следующие предложения практического характера.

Первое — совершенствование правоприменительной практики. Тот факт, что более половины уголовных дел о домашнем насилии прекращаются через примирение сторон (UNDP Uzbekistan & MADAD NGO, 2025), указывает на структурную проблему, не решаемую лишь совершенствованием законодательства. Полагаем целесообразным изучить казахстанский опыт административного охранного предписания, выдаваемого полицейским на месте без судебного решения; такой механизм существенно сократил бы временной разрыв между инцидентом и защитной реакцией системы. Параллельно необходима специализированная подготовка судей и сотрудников органов внутренних дел, включая обязательные модули по травма-информированному подходу. *Ответственные органы:* Верховный суд совместно с Министерством внутренних дел. *Целевой показатель к 2027 году:* снижение доли примирительных прекращений до 30%.

Второе — расширение доступности психологической помощи. Данные систематических обзоров убедительно показывают: экономические интервенции, не подкреплённые психологическим сопровождением, дают значительно более скромный эффект (Böhret et al., 2025). Кризисное консультирование и формирование адаптивных поведенческих стратегий должны войти в стандартный пакет помощи во всех моноцентрах. *Ответственные:* Министерство здравоохранения совместно с Комитетом по делам женщин. *Показатель:* охват не менее 70% обратившихся женщин психологическим сопровождением в течение трёх месяцев от момента обращения.

Третье — повышение правовой грамотности населения, особенно женщин и девочек, об их правах и возможностях, которые предоставляет государство. Для достижения этой цели особую роль играют институты гражданского общества: средства массовой информации, органы местного самоуправления и махаллинские сходы граждан. Целесообразно включить модуль о видах насилия и механизмах правовой защиты в программы средних учебных заведений — с охватом не менее 90% школ к 2026 году.

Четвёртое — трансформация социальных норм. Alieva (2021, p. 2) убеждена в необходимости совершенствования законодательства, однако признаёт, что изменение общественного сознания не менее значимо, чем качество правовой базы. Программы, формирующие уважение к достоинству женщины и равенство в семейных и трудовых

отношениях, должны системно интегрироваться в образование на всех уровнях. *Ответственный:* Министерство народного образования. *Показатель:* введение гендерного компонента в не менее трёх школьных предметов к 2027 году.

Пятое — специализация программ экономической реинтеграции. Действующие программы поддержки женского предпринимательства нуждаются в дополнении специализированными треками для женщин, переживших насилие: наставничество, упрощённый доступ к микрофинансированию, группы взаимной поддержки и постзаёмное сопровождение. Не менее важно создание единого протокола межведомственного взаимодействия с чётко определёнными сроками и ответственным координатором по каждому случаю. *Ответственные:* Министерство экономики совместно с Комитетом по делам женщин. *Показатель:* пилотное внедрение протокола в пяти регионах к концу 2026 года.

Ограничения исследования

Настоящее исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, статистика зарегистрированных случаев насилия отражает лишь «видимую» их часть: реальный масштаб гендерного насилия значительно превышает официальные данные вследствие латентности. Во-вторых, сравнительный анализ опирается преимущественно на нормативные тексты и мониторинговые доклады, а не на первичные данные правоприменения. В-третьих, доступная статистика женского предпринимательства не позволяет вычленить подгруппу женщин, вышедших из ситуации насилия, — дифференцированный мониторинг этой категории отсутствует. Наконец, источниковая база включает материалы преимущественно на русском, английском и узбекском языках.

Выводы

В завершение проведённого исследования можно сделать следующие выводы.

Защита прав женщин от притеснений и насилия, а также создание условий для их равноправного участия в общественной и экономической жизни имеют важнейшее значение для построения справедливого и развитого гражданского общества. Принятие законов «О защите женщин от притеснений и насилия» и «О гарантиях равных прав и возможностей для женщин и мужчин» — важные шаги на пути к гендерному равенству. Криминализация 2023 года и отмена принудительного примирения в 2025 году придали этой системе уголовно-правовое измерение и устранили ключевой процессуальный барьер. Сравнение с Казахстаном и Кыргызстаном указывает на конкретный вектор совершенствования — введение административного охранного предписания без немедленного судебного решения.

Моноцентры «Ишга мархамат» и программа «Женских тетрадей» идентифицированы как значимые государственные механизмы, хотя отсутствие дифференцированного мониторинга их воздействия на женщин, переживших насилие, не позволяет дать доказательную оценку эффективности.

Рост предпринимательской активности женщин и высокая оценка Всемирного банка свидетельствуют о реальном прогрессе (World Bank, 2024; UNDP Uzbekistan, 2025). Однако для достижения полноценного успеха рекомендуется продолжать работу над эффективным применением принятых законов, развивать программы поддержки и реабилитации, а также

содействовать активному участию женщин в предпринимательской деятельности. Только комплекс мер — правовых, психологических и социальных — способен обеспечить реальную защиту и равные возможности. Расширение экономической самостоятельности женщин не только способствует их личному восстановлению, но и вносит значительный вклад в социально-экономическое развитие страны в целом.

Сведения о финансировании

Научная статья подготовлена в рамках финансирования по научным и (или) научно-техническим программам на 2025–2027 годы, направленным на реализацию проекта BR28713695 «Теоретические и методологические основы сотрудничества семьи и общества по проблемам насилия в отношении женщин и девочек-подростков», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Список литературы

- Alieva, K. R. (2020). Gender equality during a pandemic: The problem of domestic violence. *Review of Law Sciences*, 2, 69–73.
- Alieva, K. R. (2021). Are there enough legal reforms on gender equality (view of the experience of the European Union)? *Science, Society and Innovations Journal*, Special Issue-4. <https://cyberleninka.ru/article/n/dostatochno-li-pravovyh-reform-dlya-obespecheniya-gendernogo-ravenstva-vzglyad-opyta-evropeyskogo-soyuza> Дата обращения: 3.12.2025
- Amnesty International. (2023, April 6). Uzbekistan: Parliament passes long-overdue legislation criminalizing domestic violence. <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2023/04/uzbekistan-parliament-passes-legislation-criminalizing-domestic-violence/> Дата обращения: 11.12.2025
- Антонова, Ю. А. (2011). Дискриминация по признаку пола [Discrimination on the grounds of sex]. Создание правовой среды для защиты от дискриминации [Creating a legal environment for protection against discrimination] (с. 52). Новая Юстиция
- Atajanova, D. S. (2018). Ayollar va oilaviy vazifalarni bajarish bilan mashg'ul shaxslar mehnatini huquqiy tartibga solishning xususiyatlari [Legal regulation of labour of women and persons engaged in family duties] [Doctoral dissertation, Tashkent State University of Law].
- Айвазова, С. Г. (2001). Гендерное равенство в контексте прав человека [Gender equality in the context of human rights] (с. 69). Еслан.
- Böhret, I. A., Subramonia Pillai, V., & Steinert, J. I. (2025). What works in reducing economic violence against women: Global evidence from a systematic review and meta-analysis. *Trauma, Violence, & Abuse*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1177/15248380251383915>
- CEDAW Committee. (2022, March). Concluding observations on the sixth periodic report of Uzbekistan (CEDAW/C/UZB/CO/6). United Nations. <https://www.ohchr.org/en/treaty-bodies/cedaw>
- Cusack, S. (2009). Discrimination against women: Combating its compounded and systemic forms. *Alternative Law Journal*, 34(2), 86–91.
- Cusack, S., & Pusey, L. (2013). CEDAW and the rights to non-discrimination and equality.

- Melbourne Journal of International Law, 14(1), 56–92.
- Cusack, S., & Timmer, A. S. H. (2011). Gender stereotyping in rape cases: The CEDAW Committee's decision in *Vertido v The Philippines*. *Human Rights Law Review*, 11(2), 329–342. <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngr014>
- Ешматова, Ф. Ф. (2021). Омбудсман: все женщины находятся под защиты государства [Омбудсман: Алл шомен аре ундер стате протекцион]. *Ombudsman: All women are under state protection*. Office of the Authorized Person of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan for Human Rights <https://ombudsman.uz/ru/news/2021/04/26/ombudsman-barcha-xotin-qizlar-davlat-himoyasida> Дата обращения: 29.11.2025
- Федосеева, Н. Н., & Костромина, Д. Д. (2007). Международно-правовые закрепленные прав женщин и механизмы их реализации [International legal consolidation of women's rights and mechanisms for their implementation]. *Международно-публичное и частное право*, 5, 20–24.
- Hassani, S., & Oren, T. S. (2022). Grassroots struggles against domestic violence in Uzbekistan: Strategies of exit and voice. *Central Asian Survey*, 41(3), 456–476. <https://doi.org/10.1080/02634937.2021.2018993>
- Hintjens, H. (2008). UNIFEM, CEDAW and the human rights-based approach. *Development and Change*, 39(6), 1181–1192. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7660.2008.00524.x>
- Human Rights Watch. (2026, March 4). Uzbekistan's domestic violence reforms fall short [Dispatches]. <https://www.hrw.org/news/2026/03/04/uzbekistans-domestic-violence-reforms-fall-short> Дата обращения: 13.01.2026
- International Partnership for Human Rights (IPHR). (2025, December). Reform and reality: Measuring Uzbekistan's progress in the fight against domestic violence. IPHR.
- Касимов, Д. С. (2023). Число женщин-предпринимателей в Узбекистане удвоилось [The number of women entrepreneurs in Uzbekistan has doubled]. *Business Ombudsman of the Republic of Uzbekistan*. <https://biznesombudsman.uz/ru/news/1173> Дата обращения: 10.01.2026
- Phedran, M., Bazilli, S., Erickson, M., & Byrnes, A. (2000). The first CEDAW impact study: Final report. Centre for Feminist Research, York University.
- Postmus, J. L., Hoge, G. L., Breckenridge, J., Sharp-Jeffs, N., & Chung, D. (2020). Economic abuse as an invisible form of domestic violence: A multicountry review. *Trauma, Violence, & Abuse*, 21(2), 261–283. <https://doi.org/10.1177/1524838018764160>
- Республика Казахстан. (2009). Закон Республики Казахстан № 214-ИВ «О профилактике бытового насилия» [Law of the Republic of Kazakhstan No. 214-IV on the Prevention of Domestic Violence]. IS Эділет. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000214> Дата обращения: 3.12.2025
- Республика Кыргызстан. (2017). Закон Кыргызской Республики № 63 «Об охране и защите от семейного насилия» [Law of the Kyrgyz Republic No. 63 on Protection from Family Violence]. Centralized Legal Information Bank of the Kyrgyz Republic.
- Шведова, Н. А. (2011). Гендерное равенство в России в XXI в. в контексте международных обязательств: Прогресс или упущенные возможности? [Gender equality in Russia in the 21st century in the context of international obligations: Progress or missed opportunities?]. *Женщина в российском обществе*, 3, 23–31.
- Thomas, D. Q., & Beasley, M. E. (1993). Domestic violence as a human rights issue. *Human Rights Quarterly*, 15(1), 36–62. <https://doi.org/10.2307/762650>
- UNDP Uzbekistan. (2023, November 17). 16 dney aktivizma protiv gendernogo nasiliya [16 days

- of activism against gender-based violence]. <https://www.undp.org/ru/uzbekistan/news/16-days-activism-against-gender-based-violence-2023> Дата обращения: 27.12.2025
- UNDP Uzbekistan. (2025, April). Women's entrepreneurship in Uzbekistan: Assessment and recommendations. UNDP.
- UNDP Uzbekistan & MADAD NGO. (2025, March). Analysis of judicial practice on domestic violence cases (criminal cases). UNDP.
- United Nations Secretary-General. (2016, November 25). Secretary-General's message for the International Day to End Violence Against Women and Girls. United Nations. <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2016-11-25/secretary-generals-message-international-day-end-violence-against> Дата обращения: 13.11.2025
- Vijayarasa, R. (2020). CEDAW's General Recommendation No. 35: A quarter of a century of evolutionary approaches to violence against women. *Journal of Human Rights*, 19(2), 153–167. <https://doi.org/10.1080/14754835.2019.1686347>
- World Bank. (2024, June). Country gender assessment: Uzbekistan. World Bank.
- Здравомислова, О. (2005). Насилье в семье и кризис традиционной концепции воспитания [Domestic violence and the crisis of the traditional concept of upbringing]. *Социальная педагогика*, 19(1), 1–8.

References

- Alieva, K. R. (2020). Gender equality during a pandemic: The problem of domestic violence. *Review of Law Sciences*, 2, 69–73.
- Alieva, K. R. (2021). Are there enough legal reforms on gender equality (view of the experience of the European Union)? *Science, Society and Innovations Journal*, Special Issue-4. <https://cyberleninka.ru/article/n/dostatochno-li-pravovyyh-reform-dlya-obespecheniya-gendernogo-ravenstva-vzglyad-opyta-evropeyskogo-soyuza> (Data obrashheniya: 3.12.2025)
- Amnesty International. (2023, April 6). Uzbekistan: Parliament passes long-overdue legislation criminalizing domestic violence. <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2023/04/uzbekistan-parliament-passes-legislation-criminalizing-domestic-violence/> (Data obrashheniya: 11.12.2025)
- Antonova, Yu. A. (2011). Diskriminatsiya po priznaku pola [Discrimination on the grounds of sex]. In *Sozdaniye pravovoy sredy dlya zashchity ot diskriminatsii* [Creating a legal environment for protection against discrimination] (p. 52). Novaya Yustitsiya.
- Atajanova, D. S. (2018). Ayollar va oilaviy vazifalarni bajarish bilan mashg'ul shaxslar mehnatini huquqiy tartibga solishning xususiyatlari [Legal regulation of labour of women and persons engaged in family duties] [Doctoral dissertation, Tashkent State University of Law].
- Ayvazova, S. G. (2001). Gendernoye ravenstvo v kontekste prav cheloveka [Gender equality in the context of human rights] (p. 69). Eslan.
- Böhret, I. A., Subramonia Pillai, V., & Steinert, J. I. (2025). What works in reducing economic violence against women: Global evidence from a systematic review and meta-analysis. *Trauma, Violence, & Abuse*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1177/15248380251383915>
- CEDAW Committee. (2022, March). Concluding observations on the sixth periodic report of Uzbekistan (CEDAW/C/UZB/CO/6). United Nations. <https://www.ohchr.org/en/treaty-bodies/cedaw>

- Cusack, S. (2009). Discrimination against women: Combating its compounded and systemic forms. *Alternative Law Journal*, 34(2), 86–91.
- Cusack, S., & Pusey, L. (2013). CEDAW and the rights to non-discrimination and equality. *Melbourne Journal of International Law*, 14(1), 56–92.
- Cusack, S., & Timmer, A. S. H. (2011). Gender stereotyping in rape cases: The CEDAW Committee's decision in *Vertido v The Philippines*. *Human Rights Law Review*, 11(2), 329–342. <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngr014>
- Eshmatova, F. F. (2021, April 26). Ombudsman: vse zhenshchiny nakhodyatsya pod zashchitoy gosudarstva [Ombudsman: All women are under state protection]. Office of the Authorized Person of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan for Human Rights. <https://ombudsman.uz/ru/news/2021/04/26/ombudsman-barcha-xotin-qizlar-davlat-himoyasida> (Data obrashheniya: 29.11.2025)
- Fedoseeva, N. N., & Kostromina, D. D. (2007). Mezhdunarodno-pravovoye zakrepleniye prav zhenshchin i mekhanizmy ikh realizatsii [International legal consolidation of women's rights and mechanisms for their implementation]. *Mezhdunarodno-publichnoye i chastnoye pravo*, 5, 20–24.
- Hassani, S., & Oren, T. S. (2022). Grassroots struggles against domestic violence in Uzbekistan: Strategies of exit and voice. *Central Asian Survey*, 41(3), 456–476. <https://doi.org/10.1080/02634937.2021.2018993>
- Hintjens, H. (2008). UNIFEM, CEDAW and the human rights-based approach. *Development and Change*, 39(6), 1181–1192. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7660.2008.00524.x>
- Human Rights Watch. (2026, March 4). Uzbekistan's domestic violence reforms fall short [Dispatches]. <https://www.hrw.org/news/2026/03/04/uzbekistans-domestic-violence-reforms-fall-short> (Data obrashheniya: 13.01.2025)
- International Partnership for Human Rights (IPHR). (2025, December). Reform and reality: Measuring Uzbekistan's progress in the fight against domestic violence. IPHR.
- Kasimov, D. S. (2023, December 12). Chislo zhenshchin-predprinimateley v Uzbekistane udvoilos [The number of women entrepreneurs in Uzbekistan has doubled]. Business Ombudsman of the Republic of Uzbekistan. <https://biznesombudsman.uz/ru/news/1173> (Data obrashheniya: 10.01.2025)
- McPhedran, M., Bazilli, S., Erickson, M., & Byrnes, A. (2000). The first CEDAW impact study: Final report. Centre for Feminist Research, York University.
- Postmus, J. L., Hoge, G. L., Breckenridge, J., Sharp-Jeffs, N., & Chung, D. (2020). Economic abuse as an invisible form of domestic violence: A multicountry review. *Trauma, Violence, & Abuse*, 21(2), 261–283. <https://doi.org/10.1177/1524838018764160>
- Republic of Kazakhstan. (2009, December 4). Zakon Respubliki Kazakhstan № 214-IV «O profilaktike bytovogo nasiliya» [Law of the Republic of Kazakhstan No. 214-IV on the Prevention of Domestic Violence]. IS Adilet. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000214> (Data obrashheniya: 3.12.2025)
- Republic of Kyrgyzstan. (2017, April 27). Zakon Kyrgyzskoy Respubliki № 63 «Ob okhrane i zashchite ot semeynogo nasiliya» [Law of the Kyrgyz Republic No. 63 on Protection from Family Violence]. Centralized Legal Information Bank of the Kyrgyz Republic.
- Shvedova, N. A. (2011). Gendernoye ravenstvo v Rossii v XXI v. v kontekste mezhdunarodnykh obyazatel'stv: Progress ili upushchennyye vozmozhnosti? [Gender equality in Russia in the 21st century in the context of international obligations: Progress or missed opportunities?]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 3, 23–31.

- Thomas, D. Q., & Beasley, M. E. (1993). Domestic violence as a human rights issue. *Human Rights Quarterly*, 15(1), 36–62. <https://doi.org/10.2307/762650>
- UNDP Uzbekistan. (2023, November 17). 16 dney aktivizma protiv gendernogo nasiliya [16 days of activism against gender-based violence]. <https://www.undp.org/ru/uzbekistan/news/16-days-activism-against-gender-based-violence-2023> (Data obrashheniya: 27.12.2025)
- UNDP Uzbekistan. (2025, April). Women's entrepreneurship in Uzbekistan: Assessment and recommendations. UNDP.
- UNDP Uzbekistan & MADAD NGO. (2025, March). Analysis of judicial practice on domestic violence cases (criminal cases). UNDP.
- United Nations Secretary-General. (2016, November 25). Secretary-General's message for the International Day to End Violence Against Women and Girls. United Nations. <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2016-11-25/secretary-generals-message-international-day-end-violence-against> (Data obrashheniya: 13.11.2025)
- Vijayarasa, R. (2020). CEDAW's General Recommendation No. 35: A quarter of a century of evolutionary approaches to violence against women. *Journal of Human Rights*, 19(2), 153–167. <https://doi.org/10.1080/14754835.2019.1686347>
- World Bank. (2024, June). Country gender assessment: Uzbekistan. World Bank.
- Zdravomislova, O. (2005). Nasiliye v sem'ye i krizis traditsionnoy kontseptsii vospitaniya [Domestic violence and the crisis of the traditional concept of upbringing]. *Sotsial'naya pedagogika*, 19(1), 1–8.

FTAMP: 10.15.59

Әйелдерге қатысты зорлық-зомбылыққа қарсы іс-қимылдың құқықтық тетіктері және оларды әлеуметтік-экономикалық қайта кіріктіру жолдары: Өзбекстан тәжірибесі

Сохиба Иноятова
Ташкент мемлекеттік құқық университеті, Ташкент, Өзбекстан
e-mail: s.gafarova@list.ru

Аңдатпа

Әйелдерді зорлық-зомбылықтан және гендерлік кемсітушіліктен құқықтық қорғау – қазіргі заманғы мемлекет алдында тұрған ең өзекті міндеттердің бірі. Өзбекстан Республикасында бұл міндет конституциялық басымдық сипатқа ие болды: 2019 жылы қабылданған екі арнайы заң, сондай-ақ 2023 жылғы сәуірде тұрмыстық зорлық-зомбылықты қылмыстық жауаптылыққа енгізу елдің нормативтік-құқықтық жүйесін сапалық тұрғыдан өзгертті. Сонымен қатар, қолданыстағы құқық қолдану тәжірибесі заң нормалары мен жәбірленушілердің нақты қорғалуы арасындағы алшақтықтың әлі де елеулі екенін көрсетеді. Осы мақалада зорлық-зомбылыққа қарсы іс-қимылдың халықаралық-құқықтық негіздері, ең алдымен CEDAW және оның Комитетінің қадағалау тетігі; Өзбекстанның 2019–2025 жылдардағы ұлттық заңнамалық реформалары; Қазақстан мен Қырғызстанның салыстырмалы тәжірибесі; жәбірленушілердің экономикалық және әлеуметтік интеграциясына бағытталған мемлекеттік саясат; сондай-ақ қайта интеграциялау үдерісіндегі кедергілер мен оларды еңсеру жолдары жүйелі түрде қарастырылады. Зерттеуде «Ишга мархамат» моноорталықтары мен «Әйелдер дәптері» бағдарламасына ерекше назар аударылады, өйткені олар зорлық-зомбылықтан

зардап шеккен әйелдердің экономикалық дербестігін қалпына келтіру және әлеуметтік қадір-қасиетін нығайтудағы негізгі мемлекеттік құралдар болып табылады. Зерттеу қорытындысы 2019–2023 жылдардағы заңнамалық өзгерістердің құрылымдық сипатқа ие екенін көрсетеді. Дегенмен, гендерлік зорлық-зомбылық деңгейін тұрақты түрде төмендету тек құқық нормаларын дәйекті қолдану, қолжетімді психологиялық көмек, кең ауқымды құқықтық ағарту және социомәдени ұстанымдарды мақсатты түрде трансформациялау жағдайында ғана мүмкін болады.

Кілт сөздер: әйелдерге қатысты зорлық-зомбылық, тұрмыстық зорлық-зомбылық, CEDAW, қорғау нұсқамасы, экономикалық зорлық-зомбылық, гендерлік теңдік.

IRRS: 10.15.59

Legal Mechanisms for Combating Violence Against Women and Pathways to Their Socioeconomic Reintegration: The Experience of Uzbekistan

Sohiba Inoyatova
Tashkent State University Of Law, Tashkent, Uzbekistan
e-mail: s.gafarova@list.ru

Abstract

Legal protection of women against violence and gender-based discrimination is among the most pressing obligations that confront the contemporary state. In the Republic of Uzbekistan, this obligation has taken on the character of a constitutional priority: two landmark laws enacted in 2019, followed by the criminalization of domestic violence in April 2023, fundamentally reshaped the country's normative framework. Enforcement practice, however, continues to reveal a considerable gap between statutory text and the actual protection available to survivors. This article examines, in sequence, the international legal instruments for combating violence — principally CEDAW and the monitoring mechanism of its Committee — the trajectory of Uzbekistan's national legislative reforms from 2019 to 2025, the comparative experiences of Kazakhstan and Kyrgyzstan, state policy on the economic and social integration of survivors, and the barriers to reintegration together with pathways for overcoming them. Particular attention is given to the Ishga Marhmat monocentre network and the Women's Notebooks programme as the primary state mechanisms for restoring the economic independence and social dignity of women who have experienced violence. The study concludes that Uzbekistan's 2019–2023 legislative progress is structural in character; sustained reduction of gender-based violence, however, is achievable only through consistent enforcement, accessible psychological support, broad legal literacy, and the systematic transformation of cultural norms.

Key words: violence against women, domestic violence, CEDAW, protection order, economic violence, gender, equality.

Дата поступления: 24 Март, 2026